

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

V. Blandr. Teória vlastného mena. Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii. Veda, vydavateľstvo slovenskej Akadémie Vied. Bratislava, 1996. 250 S.

Когда в конце XVIII в. в России началась работа над первым академическим словарем русского языка (Словарь Академии российской. СПб, ч. 1–6, 1789–1794), встал вопрос, что делать с собственными именами. В количественном отношении они превышали число имен нарицательных и, в случае включения в словарь, подавили бы основную лексику. Было решено: имена в словарь не включать, но издать их отдельным томом. Последнее так и не было осуществлено. В результате сложилась традиция: имена собственные не лексикографировать. Тем не менее русские филологи неоднократно обращались к помощи собственных имен как неоспоримых свидетелей различных языковых состояний (А.Х. Востоков, Н.И. Надеждин, В.В. Григорьев, А.А. Шахматов и др.).

На Западе, наоборот, имена собственные издавна включались в словари как важная составляющая часть лексики. При омонимии имени нарицательного и собственного в толковании слова последним показывалось его использование в качестве имени. Но серьезных теоретических работ в этой области было немного.

В обоих случаях неравномерность сложившейся ситуации мешала дальнейшим работам в области апеллятивной и проприальной лексики. Преодолением этих отставаний и специальной разработкой ономастической проблематики в России и за рубежом занялись исследователи, пришедшие в науку в 50-е – 90-е годы XX в. Среди них был В. Бланар.

В 1945 г. В. Бланар защитил диссертацию «Osobné mená. K základom semiologickej onomastiky» (не опубликована). Его первая пе-

чатная работа посвящена орфографии собственных имен. В рецензируемой монографии он подводит итоги не только своей пятидесятилетней деятельности, но и трудам многих европейских ученых, включая сотрудников Группы ономастических исследований Института языкознания РАН, работы которых постоянно цитирует. Как отмечает сам В. Бланар, итоги теоретической ономастики за первую половину XX в., были подведены А.Х. Гардинером [Gardiner 1940].

Рецензируемая книга состоит из 13 глав, неравномерных по объему и содержанию, и большого введения. Ввиду того, что главы разнонаправлены, в нижеследующем изложении их содержания приходится отдельно рассматривать каждую главу.

Во Введении автор отмечает, что до сих пор не существует общепризнанной теории имен собственных, а сами они неизменно вызывают споры лингвистов, филологов, логиков, семиотиков, социологов, а в новейшее время – программистов. Он дает краткий обзор своих предыдущих работ, отмечая, что данная работа ведется в семиотическом, а также функциональном и структурном аспектах. Имя собственное для него – дифференцирующий/идентифицирующий знак, при этом его доминантная семантическая функция – дифференцирование [с. 9]. Значение имени собственного – это его отношение к именуемому объекту. Оно устанавливается в акте номинации. Таким образом, значение имен не является априорной данностью для лиц, говорящих на том или ином языке: они сами придают именам индивидуальные значения (с. 10).

Для понимания характера имен собствен-

ных автор считает принципиально важным следующее:

- Имена собственные являются языковой универсалией;

- Они составляют существенную часть лексики каждого языка;

- Имена собственные, подобно именам нарицательным, входят в систему национального языка;

- Одна из их особенностей – постоянное взаимодействие с именами нарицательными.

Имена собственные как языковые знаки *sui generis* представляют особый случай номинации. Они выделяются из апеллативной лексики как самостоятельная часть словарного состава, стремящаяся к поляризации. Имена – это именования вторичного уровня. Первичный уровень составляют апеллативы (с. 11–12).

В главе 1 «Комплексный подход к проблематике имени собственного» В. Бланар отмечает, что язык изучается не только «в себе» и «для себя», но и в связи с обществом и его культурой. Особенно это относится к именам собственным, включающимся в общественную коммуникацию.

У апеллативной и проприальной номинации разные цели. При онимической номинации лексема часто имеет изначальное апеллативное значение и получает индивидуальные содержательные и формальные признаки. Специфические цели, с которыми присваивается имя, влияя на содержательную и формальную стороны онимического знака. Для выяснения того, как это все происходит, необходим комплексный подход к изучению способов онимической номинации, положения имени собственного в соответствующей онимической подсистеме и его роли в языковой коммуникации. Этот комплексный подход направлен от именуемого объекта через его специфическое ономастическое осмысление и языковое оформление к использованию в общественной коммуникации (с. 15–16).

В главе 2 «Функциональная обусловленность семантического противопоставления "имя нарицательное: имя собственное"» автор считает это противопоставление семантическим, показывая, что апеллатив является немаркированным членом этого противопоставления, а имя собственное – маркированным. Термин *имя собственное* В. Бланар относит к способу его функционирования. У имен собственных есть функции, общие с именами нарицательными, и есть особые проприальные функции.

Общие функции для имен собственных и нарицательных: номинативная (назывная),

коммуникативная (*Мартин пришел*), звательная (*Ганка, вернись!*), экспрессивная (*Яничек!*), деиктическая (*Это – Кривань*). К специфическим ономастическим функциям В. Бланар относит идентификацию именуемого объекта и установление административно-правового режима имен (с. 17). Специфическую топонимическую функцию составляет указание на объект. Хотя всё ономастическое в своей основе лингвистично, цель, с которой осуществляется наименование онимического объекта, экстралингвистична (с. 18).

Форма имени для В. Бланара – это способ упорядочения содержания. Функция обычно проявляется благодаря известному содержанию и форме. Функция организует систему и составляющие ее качественные и количественные элементы так, чтобы они развивались в едином направлении. Функциональный принцип служит основой онимической номинации, дифференциации и идентификации. В этом В. Бланар следует за Р. Шрамком [Šrámek 1995: 18].

В главе 3 «Собственное понимание вопроса» В. Бланар отмечает, что при идентификации с помощью имени собственного происходит распознавание именуемого объекта данного класса (водный поток, населенное место, человек), который мы отличаем от прочих объектов того же класса. При онимической номинации внимание обращается на конкретный объект номинации, а не на общее понятие, как при апеллативах. При идентификации происходит и дифференциация от прочих объектов того же класса. Кроме того, добавляется прагматический фактор – общественная значимость, необходимость именовать и дифференцировать единицы данного класса как индивидуальные самостоятельные объекты. Такую основополагающую функцию имен собственных, имеющую комплексный, интегральный характер, В. Бланар назвал «социально обусловленной идентификацией» [Blanár 1975]. Понятая таким образом идентификация имеет социолингвистический характер. В составленной В. Бланаром парадигме онимической номинации он относит ее к содержательному компоненту имени собственного уровня наивысшей абстракции (суб)категориальных признаков пропорциональности. На этом абстрактном уровне имена собственные соприкасаются с именами нарицательными и в то же время от них отличаются. На низших уровнях абстракции онимического содержания находятся смысловые компоненты имен собственных, которые значимы только внутри

имен собственных. У имен собственных обобщающий и индивидуализирующий признаки формируют ту сторону содержания, которая существенно отличается от лексического значения, т.е. от десигнации. Под десигнацией В. Бланар понимает онимическую семантику имени собственного, которая охватывает целые классы имен собственных как системные единицы данной подсистемы. На основе объединяющих и индивидуализирующих признаков он выделяет системы геонимов, антропонимов, хрематонимов. Благодаря иерархии специфических онимических признаков устанавливается онимическая ценность имени. Имя можно понять, если известно, к какой онимической системе оно относится (*Дунай* – название реки, гостиницы, кличка собаки, имя человека).

У имен собственных богата омонимия. На основе онимической семантики невозможно познать каждый детонат, т.е. идентифицировать его как единичный онимический объект A_1 , единицу класса A . Референтное отношение имени устанавливается в акте коммуникации. Объект номинации познается на основе его индивидуальных признаков и энциклопедической информации. Индивидуальные признаки составляют бесконечный ряд, но для идентификации именуемого объекта достаточно небольшого количества их. Имя собственное связано со своим денотатом не через общее (апеллятивное) понятие, а непосредственно с ним соотносено через единичное онимическое понятие, которое формируется при онимической номинации в содержательной части имени собственного. Так содержательная сторона онимического знака получает новое освещение, а на передний план выступает формально-языковая сторона. На важность звучания (формы) имен собственных обращали внимание многие исследователи. Имя собственное функционирует с помощью своей внешней формы, своего контраста с иными словами. Оно познается не разумом, а чувством в противоположность ассоциативному значению апеллятивов.

Означающая часть онимического знака играет особую роль в формировании знакового значения имени собственного. Особенности означающей части онимического знака заключается в том, что она не только выражает некоторое значение, но и является фактором, создающим значение. Имя собственное – не только знак-ярлык, этикетка онимического объекта, но оно и представляет индивидуальный признак объекта (с. 23).

Глава 4 «Онимический объект и онимическая номинация» посвящена детальной классификации объектов окружающего мира. В онимической номинации участвуют многие факторы, взаимодействие которых придает ей динамический характер (с. 24). Это:

1. Онимическое пространство, образованное реально существующими и вымышленными объектами;

2. Отношение именуемого коллектива к онимическим объектам;

3. Речевые ситуации, в которых осуществляется наименование;

4. Отношение лиц, пользующихся именами, к их звучанию;

5. Асимметрический дуализм онимического знака (одной лексемой называют многие единицы того же класса – полионимия, – равно как и единицы других классов – онимическая омонимия). Один объект может называться разными именами – онимическая синонимия (с. 25).

В. Бланар выделяет три основные категории онимических объектов, которым соответствует три типа имен:

1. Бионимы – имена живых существ;

2. Геонимы – имена объектов на поверхности земли;

3. Хрематонимы – имена объектов, созданных человеком и не привязанных к месту. В отличие от них топонимы (как разряд геонимов) привязаны к месту, а их территориальное распределение составляет топонимический контекст (ссылка на Ю.А. Карпенко). Геонимы составляют континуум объектов и их имен (с. 26). Хрематонимы связаны с производственной и культурной деятельностью человека.

Мотивация имени собственного осуществляется путем выбора признака, который кладется в основу номинации, а лексико-семантическая сторона слов, обозначающих тот или иной признак, определяет характер лексем и словообразовательную структуру имен собственных при их языковом оформлении. Например, названия водных объектов, мотивированные низкой температурой воды, приобретают в словацком языке следующий вид: *Studený potok*, *Studená voda*, *Studenec*, *Studenčík*, *Lednica*, *Chladnica* (с. 27).

В главе 5 «Имя собственное как единство общего, единичного и особенного (специфического)» В. Бланар говорит о внутреннем единстве этих признаков в имени собственном.

Категория общего имеет принципиальное значение для теории имени собственного, а также для понимания сущности имени.

В. Бланар определяет имя собственное как семиологическую единицу, как онимический знак определенной семиологической подсистемы, который создается на фоне и при непрерывном взаимодействии с соответствующей языковой системой. Многие имена поляризуются по отношению к апеллятивной лексике как особая номинативная категория. Общие принципы именования, которые создают содержательную и формальную стороны онимического знака, В. Бланар назвал онимической моделью.

Кроме того, у каждого имени есть внутренне присущее ему указание на общий класс онимических объектов, с которым оно соотнесено (с. 33) (населенное место, государство, человек) – ближайший род, не зная которого, нельзя узнать онимическую семантику и определить онимическую значимость (ценность) имени собственного.

Индивидуальные (единичные) признаки имени собственного составляют иерархически низшую ступень абстракции взаимоотношений языковых знаков. Именно признаком индивидуальности имя собственное отличается от апеллатива. В той же самой коммуникативной ситуации не каждый предмет, относящийся к определенному классу, можно назвать тем же именем. Так проявляется единство общего и единичного (с. 34). С помощью онимического содержания и языковой формы имени в более или менее ограниченном социуме функционируют как конкретные онимические знаки. Их репертуар в индивидуальном ведении коммуникантов не совпадает. Не совпадает и их понятийное содержание. К характерным признакам имени собственного относится и единичность каждого акта номинации.

На специфических признаках имени собственного основано противопоставление имен собственных и нарицательных (с. 35).

В главе 6 «Сравнительный анализ некоторых примеров с точки зрения лексической и онимической семантики» автор показывает, что обозначение того же объекта с помощью имен нарицательных и собственных имеет ряд общих и отличительных черт. Имена собственные связаны с категорией субстантива формально и содержательно (с. 38).

У имен собственных и нарицательных общие категориальные признаки: обозначение самостоятельно (отдельно) существующей вещи, субстантивность, конкретность, в ряде случаев – указание на одушевленность и пол. В словообразовании и склонении имеются расхождения (с. 39).

Основные расхождения между содержательной стороной апеллатива и имени

собственного наблюдаются на низшей ступени абстракции, ср. прилагательное *krivý* и фамилию *Krivý*. Прилагательное *krivý* входит в ряд обозначений правильной – неправильной формы: *rovný* – *krivý*. Негативный член оппозиции означает неправильную форму. Семантическую структуру полисемантического слова *krivý* в словацком языке образуют семемы: 1. 'неровный, выгнутый'; 2. 'хромой, прихрамывающий'; 3. 'фальшивый, неправдивый'.

Становясь фамилией, эта лексема субстантивизируется и входит в словообразовательный ряд: *Kriváček, Krivačka, Kriván, Krivánek* и т.д. Отходя от признака кризиса, фамилия реализует проприальную семантику – вхождение в ряд фамилий с основой *krivý* (с. 40). Фамилия выходит на другой уровень онимического содержания проприального знака по сравнению с апеллативом.

При первичном именовании прозвищем *Krivý* имела место мотивация лексическим значением. Когда это стало именем всей семьи, а затем – наследуемой фамилией, первичные мотивационные признаки утратили свое значение. На уровне системы обнаруживается различие между содержательной стороной проприального и непроприального знака. Различия обнаруживаются и на уровне речи, поскольку именуется другая вещь.

Между лексическим и онимическим содержанием имеется аналогия, заключающаяся в том, что гносеологически-логические элементы широкого спектра, которые не интегрируются в лексическое значение, принадлежат содержательному понятию. В именах собственных конституируются десигнационные признаки, релевантные в данной онимической системе, и индивидуальные, не создающие системы, принадлежащие к сфере содержательных элементов проприального понятия (с. 41).

В главе 7 «Между апеллативом и именем собственным» В. Бланар утверждает, что между апеллативной и проприальной лексикой наблюдаются постоянные переходы. Исходным материалом для многих имен являются апеллативы, преимущественно субстантивы, и многие имена могут перейти в апеллативную лексику. Отсутствие четких границ между именами нарицательными и собственными подтверждается процессами онимизации и апеллативации (с. 42).

По мнению В. Бланара, существуют значительные группы слов, обладающих признаками апеллатива и проприатива. Он считает, что ядро онимии составляют сложней-

шим образом структурированные системы с развитой десигнацией и богатым словообразованием, а по краям располагаются амбимодальные имена (названия обществ, организаций, предприятий, факультетов, институтов, школ, мероприятий, соревнований и т.д.), которые мотивированы лексическим значением их компонентов и идентифицируют единичные объекты определенного ряда как их официальные названия. Они тесно связаны со свойствами именуемых объектов (*Университет им. Шафарика в Кошицах*) (с. 43).

Такие названия В. Бланар относит к хремотонимам, считая их наименее гомогенными по отношению к категориям имен собственных и нарицательных как названия вещей, связанных с экономическими, культурными, политическими отношениями в обществе и не «привязанными» к месту (46). Бланар различает две группы хремотонимов: серийные названия (товарные знаки, обозначения моделей, типов) и названия единичных, уникальных предметов, считая, что в таких случаях мы имеем дело с серийной и уникальной единичностью: экспресс *«Шопен»*, бриллиант *«Шах»*. Спорна квалификация этнонимов и имен жителей по месту проживания, обладающих свойствами нарицательных и собственных имен (с. 47).

Р. Шрабек [Šrámek 1981 : 508] усматривает связь общего и частного в названиях серий (самолет *«Туполев»*) и отдельных членов этого ряда (один из этих самолетов называется *«Прага»*). Названия жителей по месту обитания он сближает с именами людей на том основании, что название *чех* или *пражанин* можно заменить именем конкретного человека. Но при названиях жителей и при этнонимах отсутствует акт единичного наименования: они образуются по правилам данной языковой системы. Онимичные им фамилии (*Чех*) отличаются от них семантически. Важным отличительным моментом является то, что названия жителей и этнонимы, подобно прочим апеллиативам, могут употребляться как родовые названия в единственном и множественном числе: *Чехи могут гордиться своей страной; Чех может гордиться своей страной*. Если *Чех* – фамилия, она находится вне этой оппозиции. Кроме того, *чех* как этноним входит в ряд: *чех – Чехия – чешский*, в котором для фамилии нет места. (49).

Я. Горецкий [Horecký 1994: 76] выделяет три типа названий учреждений: 1) исполь-

зующие существующие слова (*Салон Люция*), 2) Сокращения (*Словнафт*), 3) Специально придуманные новообразования (*Интеркомп*). Он называет их л о г о н и м а м и (ср. *логос* в научном понимании) и выделяет *логономастику* как одну из ономастических дисциплин (с. 49).

В. Бланар названия жителей по месту, этнонимы и названия учреждений типа педагогический институт из числа собственных имен исключает (с. 50). На основе поведения имени в контексте он обозначает три основных их свойства: 1. Имя собственное всегда определено, поэтому его нельзя ограничить каким-нибудь одним предложением; 2. В имени собственном не реализуется противопоставление единственного – множественного числа: оно нейтрализуется; 3. При именах собственных нерелевантно употребление детерминативов: оно также нейтрализуется (с. 51).

В главе 8 «Об онимической семантике и онимической номинации» В. Бланар пишет, что необходимо дополнить понимание значения имени собственного анализом его содержательной стороны в контексте общего типа и в специальном ономастическом контексте. По Бланару, имя собственное – это языковой знак *sui generis*, имеющий билатеральный характер, который он не утрачивает даже тогда, когда денотат неизвестен. Известность свойств референта не является условием референции. При неизвестном денотате не реализуются индивидуальные признаки, с помощью которых в данной ситуации идентифицируется онимический объект как особая единица. Знакомство с референтом однако является условием общественной коммуникации (57). Категориальное различие имени собственного и нарицательного определяется тем, что апеллиативу изначально дана независимость от ситуации в языковой компетенции участников коммуникации, а для понимания имени собственного необходимо «узнать» носителя имени, «познакомиться» с ним. Если связь с референтом не реализуется, коннотативная часть онимического значения отступает на задний план или вовсе не возникает.

Анализ имени в онимическом контексте как единицы данной онимической системы дает ключ к постижению основной специфики имени собственного. Релевантные онимические признаки лишь соотносят имя с соответствующей онимической системой и определяют его место в парадигматических отношениях. Они не характеризуют денотат, но идентифицируют его как имя

личное, фамилия, название реки и т.д. Онимические признаки образуют другую сторону онимического содержания, собственно онимическую семантику (десигнацию) (58). Тогда онимическое содержание состоит из двух частей: индивидуальных признаков информационно-энциклопедического характера и из десигнации – иерархического набора онимически релевантных признаков (на уровне системы имен данного типа), которые присущи целым рядам онимических объектов. Отношение имени собственного к своему денотату реализуется через онимическое понятие.

Для сравнения апеллятивной и онимической номинации В. Бланар привлекает номинативные модели, включающие содержательные, мотивационные и словообразовательные модели (59), составляющие системобразующие основы онимов (60).

В акте именования с помощью имени собственного имеет место общая мотивационная предпосылка и ее реализация на основе структурных словообразовательных моделей. Из мотивационных моделей складываются содержательные модели, т.е. общие принципы номинации в конкретной онимической ситуации. Они переходят в словообразовательные модели, а мотивационная модель оказывается соединительным членом между содержательной и словообразовательной моделями (с. 61).

Глава 9 «Внешняя сторона онимического знака (план выражения)» посвящена описанию формально-языковой стороны языкового знака (хотя она отдельно и не существует). Она опирается на закономерности соответствующего языкового кода (с. 68).

Исчерпывающая ономастическая грамматика не существует. Обычно говорят о некоторой языковой специфике имен собственных на фоне данного языка. Но было бы полезно всестороннее грамматическое описание имен собственных как их исчерпывающая языковая характеристика (с. 69).

Выбор лексем в онимических подсистемах ограничен в смысловом отношении определенным кругом значений. В отдельных онимических подсистемах и на разных стадиях развития одной системы лексическая и словообразовательная дифференциация имен осуществляется различно (с. 80). Комплексный подход к плану выражения имени собственного подразумевает исследование с генетическо-этимологических, диахронических и синхронических позиций (с. 81).

В именах собственных закрепляется словарный состав старшего периода развития

языка, относящийся к прежней материальной и духовной культуре, к истории заселения территории и этногенезу. Этим определяется первичная мотивация. При возникновении имени собственного начинается осуществляться функциональная поляризация исходной лексемы: *niva* – *Niva*. На первичной стадии именования топоним имеет параллельную семантику с апеллятивом (с. 82).

Онимические лексемы составляют основу онимических систем даже без присоединения специфических формальных показателей (знаков), но благодаря своей онимической десигнации. Процессы трансоими-зации происходили уже в древнейший период. Например, клички собак, лошадей были мотивированы названиями вод в связи с народными поверьями, что это оберегает от бешенства и от воздействия волшебных чар: у немцев *Moldau*, *Wasser*, у словаков: *Dunaj*, *Tisa* (с. 83). В именах сохраняются архаичные апеллятивы: *tat* 'злодей', *hrb*, *chrib* 'холм' (с. 84). Образований типа герм. *Bernhard*, *Sigmar* нет в апеллятивной лексике (с. 85). С древнейших же времен отмечены имена личные, возникшие путем расширения сокращенных (усеченных) форм: *Rastic* < *Rastislav*, *Bucek* < *Buclav* < *Budislav*. Не все из онимических суффиксов встречаются в апеллятивах (-*aš*, -*žš*) (с. 86). В диахронном аспекте В. Бланар показывает изменение именуемых объектов при том же имени: а) когда имя переносится с части объекта на весь или наоборот (синекдоха), например, если поле или пастбище занимает часть горы, а в официальных документах названием поля именуют всю гору; б) топоним переносится на другой объект того же класса: *Кембридж* в США; в) топоним переносится на другой объект, расположенный поблизости (иррадиация): *Москва* река → город *Москва*. К чисто языковым факторам, влияющим на изменение имен и их системные перестройки, В. Бланар относит такие случаи, когда прежняя «периферийная» модель заменяется на более продуктивную (с. 88–89), когда при заимствовании меняется имя.

В синхроническом аспекте В. Бланар отмечает официальное и неофициальное употребление имен, считая, что, чем строже официальная их фиксация, тем меньше места для варьирования в неофициальных речевых ситуациях (с. 99). Он считает, что имена собственные расширяют круг индивидуальных знаний каждого человека, а, заимствуясь в другие языки, пополняют состав иностранных слов (с. 100).

В главе 10 «Системы собственных имен» В. Бланар отмечает, что понятие и термин *система* (имен собственных) в теоретической ономастике не имеет четкого определения (с. 129). В. Бланар определяет это понятие с семиологической и функционально-структурной точек зрения. Он считает, что прагматический фактор составляет общий признак всех имен собственных, служит общественным условием идентификации/дифференциации и является организующим принципом именной системы. Благодаря ему формируются специфические онимические признаки, составляющие десигнацию имени. Собственно онимическая номинация имеет процессуальный характер, чему способствуют социальные нормы и языковые закономерности. На первой стадии номинации имеет место выбор мотива, составляется содержательная и мотивационная модель. На следующей стадии они облекаются в языковую форму слово-образовательных моделей и формируют типы как реализацию именных моделей.

Онимические модели – системообразующие. Онимическая система занимает место между «идеальными объектами познания». Онимическая система – это динамическая стабильная целостность системообразующих элементов, которые в своих языковых реализациях вступают в различные онимически релевантные отношения (синонимии, полисемии, омонимии, антонимии, слово-образования) и составляют отдельные участки системы (онимические поля, ситуации/сцены) (с. 132).

Онимические системы имеют ядро и периферию. Продуктивные явления обнаруживают высшую частотность. Некоторые менее частотные явления могут иметь большую общественно-историческую важность. Онимические подсистемы внутренне членились дифференцирующими признаками (с. 133).

Общественное функционирование имен собственных тесно связано с узаконенностью онимических норм. Взаимосвязи системообразующих элементов составляют важную черту онимической системы (с. 134).

В. Бланар считает, что объем онимических систем измеряется в пространстве, во времени и продуктивностью (частотностью).

Каждая онимическая система существует в определенном пространстве. Она связана с ареалами в топонимии, с социальными факторами в антропонимии и с экономическими в хрематонимии (с. 148).

Временной фактор сопровождает имя собственное от онимизации апеллатива до

конца его существования в общественной коммуникации при изменении онимической ситуации (с. 149).

Категория частотности/продуктивности тесно связана с категориями пространства и времени. Частотно то, что продуктивно. Это отражает качественную сторону системы и количественную реализацию (с. 150–151).

В главе 11 «Онимическая система с точки зрения общественной коммуникации» В. Бланар пишет о связи онимических систем с функционированием имен в обществе. Он говорит, что у эскимосов мужчины не смеют знать своего настоящего имени, которому приписывается магическая сила, но его знают женщины: матери передают эти имена невестам (с. 152). В обиходе же мужчины зовутся прозвищами. При таком положении (когда имя приравнено к личности) социальная значимость имен близка к нулю. Онимические системы реально существуют только в общественной коммуникации. С изменением коммуникативных потребностей меняется употребление имен. В десигнацию имени интегрируются новые онимически релевантные признаки. Знание имени предполагает сведения об именуемом объекте, а также факторы, участвующие в онимической номинации: десигнатор (звуковой носитель информации), мысленный образ (сведения о денотате), онимическая семантика (десигнация), индивидуальный онимический объект (денотат). Языковая компетенция не включает знания онимического знака. Коммуниканты постепенно, в индивидуальном порядке, постигают свои и чужие имена. При использовании имен собственных в общественной коммуникации говорящие и слушающие интерпретируют содержание имен собственных, при этом ступени идентификации у них могут быть различными (с. 153). Их три:

1. Пресуппозиционная идентификация – достигается на основе ограниченных сведений о денотате: *Habovka* – небольшая деревня в Словакии. Этого достаточно для общей, категориальной классификации имени как элемента словацкой ойконимической системы.

2. Референциальная идентификация – сведения о денотате охватывают всё онимическое содержание имени (индивидуальные и надиндивидуальные признаки). Если коммуниканты в одинаковой степени знакомы с объектом, их знания могут отличаться индивидуальными особенностями (в Габовке *живет моя тетя*).

3. Научная реконструкция значимости имени собственного в онимической системе:

реконструируется десигнация, определяются парадигматические микроструктурные связи, но знание референта при этом не обязательно (с. 154).

Связь и зависимость между внешними факторами и внутренними ономастическими закономерностями не непосредственна, но опосредована через систему. Влияние общественных факторов на создание новых имен отмечается на поворотах истории (после 1917 г. появляются новые и изменяются старые географические названия в бывшем СССР. Многие топонимические модели теряют свою продуктивность. Появились новые топонимические модели. Для новых топонимов характерна полная мотивированность и позитивные коннотации: *Солнечногорск, Урожайная*) (с. 155).

Имена собственные возникают в ономастических ситуациях из общественной необходимости. Их главная функция – общественно обусловленная идентификация/дифференциация в таких рядах вещей и явлений, которые играют важную роль в жизни общества (с. 160).

Норма в онимической системе имеет двойное значение: 1) как общее собрание тенденций, правил, закономерностей (с. 187); 2) как функционирование онимических систем в общественной практике, что связано с языковой культурой (с. 188).

Динамика имен при функционировании в коммуникации выражается в изменении состава имен и их моделей, принципов именования. Важно отличать периферийные модели от центральных. Когда меняются центральные модели, происходит принципиальное изменение системы (с. 192).

В главе 12 «Парадигма. Предмет и методы ономастических дисциплин» автор говорит об имени собственном как о многоаспектном феномене, отдельные стороны которого находятся в различных отношениях и зависимостях. Основную часть ономастической проблематики составляет процесс онимической номинации и функционирование онимических систем в общественной коммуникации. Эти генетический и функциональный аспекты тесно связаны (с. 193). Общие принципы номинации формально реализуются в соответствующем языковом коде. В апеллативном контексте на передний план выступают референтные отношения имен, в проприальном – его десигнативная ценность (с. 194).

Онимическая presupпозиция – это знание онимически релевантных признаков. На ее основе можно соотнести имя с соответствующим референтным или десигнативным

отношением. Лишь на основе знания этих фактов коммуникант понимает, что, например, лексема *Ryba* не относится к кулинарии, а служит именем человека.

В развитии онимических систем формируются внутренние закономерности, приводящие к сохранению или изменению онимической нормы. Употребление имен собственных в контексте образует новые отношения в онимических подсистемах (транссемантизация: гидроним → ойконим → человек и т.д.) и новые соотношения лексических пластов (апеллативация имен собственных, онимизация апеллативов). В функционировании онимических систем и отдельных онимических знаков в различных речевых ситуациях в полной мере осуществляется их общественное предназначение.

В. Бланар понимает ономастику как науку о формировании и общественном функционировании онимических систем и о языковой структуре онимических знаков. Поле онимических объектов необъятно (это – имена, используемые в различных науках, в хозяйственной деятельности, в правовых отношениях общества, в религии и т.д.). Отсюда, по мнению В. Бланара, исходят интердисциплинарные черты науки об именах. Но за интердисциплинарным подходом и комплексным анализом имен, – подчеркивает он, – не следует забывать их лингвистическую основу (с. 195).

Семиологический аспект ономастики относится к общей методологии наук. Онимия не составляет механического набора имен, но внутренне структурированную целостность. Между отдельными онимическими категориями существуют взаимные структурные связи. Например, хронологически различаются топонимы с посессивной мотивацией: старшие – на *-jъ* – слов. *Bolerad-jъ*, далее – *-ín* – раннесредневековая колонизация и старшие оседлые области: чеш. *Hodon-ín, Ubuž-ín*. Для XVIII–XIX вв. характерны названия на *-ovec, -ovka*: чеш. *Albertovec, Petrovka* [Šrámek 1994 : 83].

В дальнейшем выбор мотивировочных признаков имеет социолингвистические и психолингвистические основы (с. 197). Ареальная и частотная дистрибуция изучаются с помощью картографического и статистического методов. Из лингвистических применяется метод компонентного анализа и синтеза, морфологический и словообразовательный анализ, моделирование. Теория имени собственного на этом не заканчивается. Возникают новые проблемы, ждущие своих исследователей (с. 198).

Глава 13 «Резюме» – это общие итоги размышлений автора. Он, в частности, подчеркивает, что общая теория имени собственного начала формироваться у славян в середине 40-х годов нашего века. Положение имени собственного в языке характеризуется двумя противоположными, но связанными тенденциями: 1) постоянным взаимодействием со всем словарным составом языка и всей языковой системой, 2) стремлением имен собственных поляризоваться от апеллятивов, при этом апеллятив – немаркированный, а имя собственное – маркированный член оппозиции (с. 199).

Именуемая вещь (а вернее, – сведения о ней) связана с именем собственным иначе, нежели апеллятивный объект с обозначающим его словом. Имя собственное не характеризует денотат через его понятие. Средоточием онимического содержания имени и его формы является денотат как элемент именной системы, а не имя вообще (с. 201–202). Категориальные семантические признаки не характеризуют денотат, но идентифицируют его как имя личное, фамилия и т.д. Это – пресуппозиционная идентификация. Онимическая семантика имени собственного существует как объективная данность, даже если референтное отношение имени собственного не реализовано, потому что десигнация онимического знака есть явление на уровне онимической системы.

Между массивами имен собственных и нарицательных нет точных границ, так как апеллятивация и онимизация происходят непрерывно, а также существуют имена, сочетающие в себе признаки имен нарицательных и собственных (с. 202).

Формально-языковая сторона онимического знака опирается на закономерности данного языкового кода (с. 203). От типа языка зависит большая или меньшая продуктивность словообразовательных типов при создании новых имен (с. 204).

С синхронной точки зрения онимическую систему характеризует онимическая стабильность, позволяющая ей выполнять свои задачи в разных коммуникативных ситуациях (с. 208).

К предложенному Е. Куриловичем понятию «языковой статус имени собственного» В. Бланар добавляет понятие «ономастический статус имени собственного», считая оба понятия основой, методологической отправной точкой при анализе имен собственных (с. 209).

Отмечая важное теоретическое значение работы В. Бланара для славянского мира

как подводящей итоги многим исследованиям XX в., остановимся на некоторых ее слабых сторонах.

Хотя книга претендует на то, чтобы быть теоретическим обобщением ономастических теорий своего времени, автор, порой, отвлекается от теоретических проблем в сторону описательной ономастики, что создает диспропорцию глав и затрудняет чтение.

Строя свою теорию, автор широко пользуется трудами наших соотечественников, не всегда их упоминая. В ряде случаев В. Бланар опирается на данные позднейших работ, например, [Majtan 1989], хотя проблемы языковой политики в области собственных имен у нас разрабатывались значительно раньше.

В. Бланар, на наш взгляд, непомерно расширяет понятие модель (с. 80), неправильно относит названия небесных тел к геонимам, забывает о подземных и подводных объектах (с. 26).

Мы ставим под сомнение наличие амбимодальных имен, обладающих одновременно свойствами имен собственных и нарицательных. Если слово становится именем собственным, оно как бы «перешагивает» черту, отделяющую один класс слов от другого (за чертой остается его омоним: национальность чех – фамилия Чех, педагогический факультет – один из факультетов, в отличие от медицинского, теологического и т.д. – Педагогический факультет Братиславского университета – как собственное имя (название) учебного заведения или одного из его подразделений). В нашем понимании это – не хрематоним, а эргоним – собственное имя делового объединения людей. Для здания, в котором оно размещается, у нас предложен термин «ойкодомоним». Оба объекта не связаны друг с другом неразрывно: факультет может переехать в другое помещение, а его прежнее здание может быть использовано иначе (под музей, склад и т.п.).

В заключение, дадим некоторые определения из «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (М., 1988).

П р а г м а т о н и м – разряд онимов. Под этим термином, пока условно, объединены различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью, в том числе хрематоним, урбаноним, ойконим, ойкодомоним, порейоним, дромоним, агроном (с. 110).

П о р е й о н и м – собственное имя дан-

ного экземпляра любого вида транспортных средств (с. 108).

Х р е м а т о н и м – Вид прагматонима. Собственное имя уникального предмета материальной культуры, произведенного или добытого руками человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, предмета утвари, драгоценного камня (с. 146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Blánár V.* 1975 – Spoločensky podmienená identifikácia – podstatný príznak vlastných mien // Zpravodaj Místopisné komise ČSAV, 16. 1975.
Gardiner A.H. 1940 – Theory of proper names. A controversial essay. London, 1940 (2-е изд.: London; New York; Toronto, 1954).

Horecký J. 1994 – Logonomastika ako onomastická disciplína // Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien. 11 slovenská onomastická konferencia. Nitra, 1994.

Majtán M. 1989 – Jazykovopolitické aspekty vlastných mien // Aktuálne úlohy onomastiky z hľadiska jazykovej politiky a jazykovej kultúry / Red. M. Majtán. Bratislava. 1989.

Šrámek R. 1981 – Das onymische und das appellativische Objekt // Proceedings of the 13-th International Congress of onomastic sciences. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1981.

Šrámek R. 1994 – Paradigma onomastiky // Jazykovédne aktuality. 31. Č. 1–4. 1994.

Šrámek R. 1995 – Kvantifikujúci aspekty v onomastice // Slavia Slovaca. 30. 1995.

A.B. Сунеранская

Z. Guentcheva (Ed.). L'énonciation médiatisée. Éditions Peeters. Louvain; Paris 1996. 322 p.

Рецензируемая книга является результатом коллективного труда группы лингвистов, возглавляемой З. Генчевой-Декле и написана в течение 1991–1994 гг. Интерес к теме медиатива был пробужден после известной работы Р. Якобсона, посвященной системе грамматических категорий глагола [Jakobson 1957]. Первой значительной работой, охватывающей материал разноструктурных языков, была книга [Evidentiality 1986]. В продолжение этих исследований в 1997 году состоялся симпозиум по категории засвидетельствованности (эвиденциальности, медиативности – терминология еще окончательно не устоялась) в турецком и персидском языках, а также в языках близлежащих стран в Стамбуле (хроникальный материал об этой конференции публикуется в ВЯ, 1998, № 1)¹.

Рассматриваемая книга характеризуется общностью подхода к материалу разноструктурных языков. Это типологическое исследование, основанное на семантике. В каждом языке есть средства, которые позволяют говорящему выразить то, что передаваемое им сообщение является не его личным опытом, а получено из косвенного источника. Средства, которые используют-

ся наиболее широко, являются синтаксическими (франц. *On dit que...*, *il paraît que...*, *dit on...*; англ. *They say that...*, *I heard that...*, русск. *Говорят, что...*) или лексическими – наречия (франц. *apparemment*, англ. *reportedly*, *allegedly*; русск. *очевидно*, *по-видимому...*); частицы (болг. *kaj*, *už*; русск. *мол*, *де*, *дескать*). Однако в некоторых языках существует обязательная грамматическая категория, которая требует от говорящего указания на характер (прямой или косвенный) источника сообщаемой информации. В качестве ведущего термина для обозначения рассматриваемой категории избран медиатив, предложенный Ж. Лазаром. Этим термином охватываются три основных значения: 1) передача факта, услышанного от третьего лица, по слухам или понаслышке; 2) передача факта как результата логического вывода; 3) выражение удивления по поводу констатации факта.

В книге представлено 20 статей на эту тему, посвященных как теоретическим аспектам медиативности, так и описанию конкретных языков. Цель настоящей рецензии – выделить типологически важные конкретные языковые данные, собранные в этом ценном издании. Статьи сгруппированы в разделы по способам выражения медиативных значений. Таких разделов три: I. Медиатив и его связи с перфектом (восемь статей); II. Медиативность: вспомогательные глаголы, суффиксы, частицы (восемь

¹ Настоящая рецензия выполняется в рамках проекта «Категория засвидетельствованности в языках различных типов», финансируемого Российским Гуманитарным научным фондом.